

Гай Валерий
КАТУЛЛ

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Гай Валерий
КАТУЛЛ

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Магазин русской книги "МАЛЕР"
Иерусалим 1982

Gaius Valerius Catullus. POEMS

Translated into Russian by Henri Volokhonsky

Cover design by Irina Bat-Zvi

© 1982 by H.Volokhonsky & I.Maler

Maler Publications
P.O.Box 6608, Jerusalem
Produced by LEXICON

*Сделал мастер Евтимид
Как Ефронию не сделать.*

*Надпись на пузатой амфоре под названием
"Гектор вооружается".*

Апри Волохонский.

The word "ЛЕСБИИ" is centered within a decorative, symmetrical flourish. The flourish consists of two mirrored, swirling lines that curve upwards and outwards, ending in small heart-like shapes. There are also small circles or dots scattered within the lower part of the flourish.

ЛЕСБИИ

XLV

Прикинув к лону влюбленной Акмы
Говорит Септимий: "О моя Акма!
Если не люблю тебя отчаянной любовью
Вечно, как никто никого не может —
Пусть передо мною лев неумолимый
В Ливии и Индии под звездами Рака
В жаркой пустыне встанет блуждая".
И под эту речь Amor им машет
От души чихая слева направо.
Пурпурными губами как при поцелуе
К пьяным глазам дорогого друга
Чуть прикивая говорит Акма:
"О милый Септимий! Седьмой ты мой, милый,
Семитысячный ты мой, о Септимиллий!

Видишь, я сгораю — сильнее и жарче
В нежном лоне моем твоего пламени пламень”.
И под эту речь Amor им машет
От души чихая слева направо.
И вот, воедино сливая дыхание
С благими знаменьями вновь отплывают:
Единственная Акма дороже Септимию
Мира — от Сирии до Британнии,
Одному Септимию милому Акма
Творит усладу сладостной страстью...
Видел ли кто дорогу вернее,
Чем та, которой водит Венера?

XLII

Эй, гласные! По одиннадцать стройся
в фалангу! Все как один встать в шеренгу!
Писчие плашки – в каракулях наших
доски – уносит гулящая шлюха,
на себе их прячет, отдать не хочет,
итак, в погоню, о эндекасиллабы!
Приметы такие (смотрите в оба!) :
улыбка – как в самом дешевом театре,
кошачий смех и петушиный хохот.
Догнать, окружить, голосить всем хором:
Шлюха, отдай нам наши каракули,
наши каракули, о потаскуха!
И ухом не ведет? Бардак ходячий,
худший из мыслимых, сквернейший из мерзких!

Но где там рассуждать, куда тут мыслить,
если тупая бронзовая сука
непоколебима и не краснеет?
Снова голосите громче и громче:
Шлюха, отдай нам наши каракули,
наши каракули, о потаскуха!
И снова она — само равнодушие...
Так не возьмем ли новой стратегией?
Спойте шопотом: чистая, честная
девушка, отдай нам наши каракули.

XXXVI

Волузия анналы, сраные страницы
Рук летописания, перепись витая
В пламени витают в честь святой богини
Сына Купидона матери – Венеры.
Милая клялась мне: "Только бы ты кончил
Топотать стопою мстительного ямба –
Тут же колченогому дымному Вулкану
Пылкому супругу, в миг любви и мира –
Поганейшей поэзии всех отборных метров
Справлю на растопку я в печь под наковальню!"
Ты, о рожденная лазоревым понтом,
Чтимая Италием при попутном ветре,
Анконой и Книдским, в камышовых палках
Брегом, ты, которую Амагунт и Голги

Славят и кабак Адрии Диррахий, —
Улыбнись, богиня, изысканной жертве,
Удивительной клятве, изящному обету,
Да сверкнут чистейшим огненным пеплом
Сраные страницы рук летописания,
Перепись витая, Волузия анналы.

LI

Богу равен, если не выше богов
и не блаженней тот, кто лицом к твоему
лику, о дивная, обращенный вечно,
видит и внемлет.

А меня бедного самых чувств смех твой
лишает сладостный, и взорам твоим,
увы, Лесбия, нечем ответить мне
кроме стенанья:

нем язык, — стынет вспыхнув по суставам
легкий огонь, — колыхая оглушает
воздух чуждый звон, — и меркнут двойные
факелы мрака.

Свобода, о Катулл, сковала тебя
свободного страстью разнузданной,
свобода праздная города губит
и царей гордых.

ХС

(О чужеземных обрядах)

Мага на свет принесло материнское лоно
Геллию в дар: по персидским утробным гаданьям
Мага родила мамаша – как видно,
Действенна все-таки даже и персов поганая вера!
Гимны поет благодарный довольному богу,
Щедро в огонь подливая топленое сало.

LXXXIX

Геллий, отощал ты, – но с какой стати,
И в каких таких роковых видах?
Ведь добрая мать, девицы, и дядя,
И прелесть-сестра – все живы-здоровы.
Расскажи: когда ты худеть кончишь,
И куда ты худел, и откуда худел ты.

LXXIV

(Бог Молчания)

Вечно дядя Геллия все чему-то учит,
Рта не закрывает, просто уши вянут.
Все же и у Геллия есть на это средство:
Тете только глотку им заткни — она ни пикнет.
Тут, конечно, дядя возразить не может,
Ни слова не скажет — немее Гарпократа.

LXXX

Чьи это губы-алы бѣлым-белым белеют,
Словно морозной ночью рожденный иней,
Тающий рано – раньше, нежели ты, о Геллий,
Долгою негой мига достигнешь мигом?
Ах, то не о тебе ли весть голосила глухо –
Дико терзать другого друга дерзаешь дикий?
– Лечит рваные раны Виктор, увы, увечный –
Алчные губы-алы, верно, твои, неверный!

НА АМЕАНУ И МАМУРРУ

XLIII

Привет тебе, девушка с носом немалым,
С нестройной ножкой, с неясным взором,
С неловкими пальцами, с невнятной речью
И неосмысленной и неизящной.
Ну что́, подруга формийского мота, —
Тебя красавицей славит округа?
Ты даже нашей Лесбии краше?
Ах, как неумно́ и неуместно!

XLI

Амеана томно изнывая
Говорит: "Вот дашь мне тысяч десять, —
Может дам." — Да в размах такого носа
Пусть формийский твой мот дает и тратит!
Это ж чистый медицинский случай,
Нужно доктора звать, родных и близких
Чтоб одна не сидела без присмотра
Вся во власти болезненных фантазий.

CV

**Уд вдохновенный полез на Пиплейскую гору –
Музы едва отпихнули ухватом.**

XCIV

Этот потасканный хуй с потаскухой хуевой
Словно горшок, по себе выбирающий кашу.

LXXVIII

Галлова невестка нежнее невесты —
С кем невесть нежнее, нежели с сыном.
Галл-то наш — красавец! На большой кровати
На дэвицу-красавицу дивится наш красавец.
Галл придурковатый в лоб не отличает
Мужних от женатых — и дядю не спросит.

LIX

(Погребение Менения из Бононии)

Сглодала Менения Руфула Руфа.

А перед урной – вдруг такая история:

Бросилась прямо в огонь и хватает блюдо,

Хлеб поминальный с костра тянет – ну и дура!

Было же ей от чумазого малого!

ХСVII

(О поцелуях при встрече)

Видно сойду я с ума, размышляя ночами, —
Рот у Эмилия хуже смердит или жопа?
Этот ведь грязен не менее — также и та не грязнее...
Думаю, думаю... — Все-таки жопа и лучше, и чище,
Ибо беззубая. Зубы — оглобли, длиннее телеги
Челюсть, а если зевнет ненароком Эмилией —
Вешай хомут, ибо вонь словно из-под кобылы
Мула, что в зной полыхающий, в полдень горячей порою
Ссыт в невесомую пыль межослов с отдаленных пекарен.
Похоть и прелесть. Но что же там хуже?..
Утро. Светает. Являются свежие мысли:
Ежели вылизать жопу — так может оно полегчает?

CVI

**Кто отрока походя стоит и хвалит,
Тому от похоти стоит ли отрекаться?**

С

Келий Офилена и Квинтий Офилены,
Вами Верона цветет и вянет,
Сестры – не братья! родни роднее!
Вместо родства – горячая дружба.
Кого же похвалим? – Тебя, о Келий!
Ты друг всем, в ком кипят страсти,
Ты пламенный пыл не таишь втуне,
Счастливец, Келий, – любишь как можешь.

XXXIII

Есть у Вибенниев славная банька
С папашей в деле сынок-педрила
(Справа зайдешь – трут седого паскуду,
А отпрыска рядом на пару парят)
Народу грязь, а им деньги в шайку
Давно бы надо обоих в шею!
Нельзя терпеть такую парилку,
Плевать что гладкая у сына жопа.

РАЗНЫМ ЛИЦАМ

XXXV

(Кекилию)

Поэту нежному, верному другу
Моему Кекилию вели, папирус:
– Скорее в Верону, Новой Комы
Покинув стены и Лария берег.
И ежели впрямь он хочет услышать
Высокую речь о моих мыслях
И если он мудр – скорее в дорогу!
И пусть, сгорая тысячекратно, подруга
Говорит: вернись! – и шею руками
Сжимая, в объятьях молит: помедли!
Она ведь ныне, как нам известно,
Невозможной страстью вечно исходит:
Едва извлечет он зачатую им же
”Богиню Диндима”, – так у несчастной

Огнем изнутри пламенеет лоно.
Готов понять, о новая Сапфо,
Наставница Музы, – тем и прелестна
Великая – Кекилием зачатая – Мать.

XXIV

(Ювентию)

О цветик милый прелестный и юный,
Нежный, каких не бывало прежде
И ныне нет, и потом не будет,
И вот — мидийских взыскует таинств!
Сам ни кола ни двора не имея,
Богам золотым изливает горечь.
— А собою красив! — говорят, — и правда,
Хорош! — хоть кола и двора и нету:
Ныряя в бездны, взмывая в выси,
Век не увидишь двора и ко́ла.

LXXXI

(Надпись на подножии)

Нет, – никого и в нашем блистательном братстве,
Ювентий,

Не было бы достойней, чем ты, о любимый,
Если б не горькая участь на Умбрии дальнем взморье.
Тусклою позолотой статуи этой бледной
Здесь нам твой дух сияет, камнем отныне скован.
Смотришь не уповая, не узнавая внемлешь.

СХІІ

(Назону)

**Известные люди, Назон, и тебе не известные люди,
Все тебя знают, Назон, – знаменитый паскуда!**

XLIX

(Цицерону)

Внуков Ромула нынешних и древних
Всю родню и даже нерожденных
Превзошедший речами, о Марк Туллий!
Вот привет тебе и от Катулла,
От меня, от прескверного поэта, —
Столь же, право, прескверного поэта,
Сколь в речах ты превосходней лучших.

LXXXIV

(Об арамейском произношении)

Горе с этим Аррием! Да не горе, а горе!
— Хотя бы и не горе, ему бы только гаркнуть.
Просто удивительно, ведь вроде бы учили:
Пишется "худеющий", слышится "гудящий".
Это он от мамы, от грамотного дяди,
От дедушки по матери, от старухи-бабки.
Говорят, что в Сирии полное безветрие,
Гладкое и плавное воздушное затишье:
Душераздирающее халдейское галденье
Наполняет ужасом застывшие стихии.
Аррию из "Ионийских волн в синеве сияющей"
Греция зияет в голубизне горячей.

ПРИМЕЧАНИЯ

В этой книге двадцать четыре стихотворения Гая Валерия Катулла. Примерно половина из них была опубликована в московском издании "Катулл, Тибулл, Проперций", в 1963 году. Здесь эти стихи переведены заново, прочие — впервые. Таким образом из ста с лишним сохранившихся текстов поэта только шесть остаются без русского перевода.

Названия стихотворениям даны переводчиком, цифры соответствуют порядковым номерам в изданиях на латыни.

ЛЕСБИИ

Именем *Лесбия*, от названия острова Лесбос, родины поэтессы Сафо, Катулл называет Клодию, среднюю из трех сестер Публия Клодия Пульхра, народного трибуна 58 г. до н.э. Известны два прозвища Клодии: Боопида (Волоокая) и Квадрантария (О Четверти Гроша).

XLV

Акма — греческое слово, здесь означает "вершина страсти". *Септимий* — римское имя, производное от числительного. Подразумеваются сам Катулл и Клодия.

XLII

Эндекасиллабы — стихотворные строки по одиннадцать слогов.

Писчие плашки — вошенные дощечки для заметок и черновиков.

XXXVI

О *Волузии*, родом из Падуи, говорится в других текстах, что в его анналы будут заворачивать скумбрию.

Колченогий кузнец-Вулкан — мифологический муж Венеры. Намек на мужа Клодии Квинта Цецилия Метелла Целера, претора 63 г., консула 60 г.

Идалий, Анкона и пр. географические упоминания связаны с местами культа богини любви.

LI

Первые три строфы — перевод из Сафо.

ГЕЛЛИЮ

Геллий — римский всадник из партии Клодия Пульхра, поэт, в прошлом друг Катулла. Ссора произошла от соперничества в любви. Катулл обвинял

Геллия в предательстве и описывал потрясающие отношения в его семействе.

XC

Мнение, будто от союза сына с матерью рождается маг — одна из сплетен, которые ходили в Риме о восточных религиях.

Вера персов — возможно, митраизм.

LXXIV

Дядя — Луций Геллий Попликола, консул 72 г., цензор 70 г., ко времени написания стихотворения — едва ли не самый старый из сенаторов. Дядина страсть к нравоучениям объясняется не только запутанными семейными обстоятельствами, но и привычками, приобретенными на государственном поприще.

Гарпократ — бог молчания, изображался как юноша с пальцем, приложенным к губам.

LXXX

Виктор — упоминается в письме Цицерона от 24 апреля 44 г., лет через пятнадцать после описанных приключений.

НА АМЕАНУ И МАМУРРУ

Мамурра — римский всадник родом из Формий (дачное место неподалеку от Рима), начальник инженерной части в войсках Цезаря. Он был богат, расточитель, немного поэт. *Амеана* — его приятельница.

CV

Уд — так обзывает Мамурру Катулл здесь и в других стихах. На *Пиплейской горе* жили музы.

XCIV

Вторая строка — латинская пословица.

НРАВЫ

LXXVIII

Известны братья Канинии *Галлы*, Луций и Гай, и Фадии *Галлы* — Марк и Квинт. Который из них — наш *Галл*, остается вопросом.

LIX

Бонония — современная Болонья.

Сглодала — неутешная вдова едва не развалила погребальный костер, стремясь разделить со своим Руфулом его последнюю земную пищу.

Чумазый малый — кладбищенский кочегар.

XCVII

Эмилий — почтенный пожилой человек из знатного рода Эмилиев, наверное, сенатор.

C

Офилен и Офилена — одно лицо, приятельница Келия, Квинтия и самого Катулла. Ей посвящены еще

два стихотворения: "Мы тех, Офилена, друзей хвалим, которые нам за дары платят той же монетой, и, если вперед, — лучше. Ты же и берешь часто, и даешь редко, вернее никогда и т.п." и "Один раз живем, Офилена, и любовь нам всего дороже, ибо скоро умрем..." Верона — родной город Катулла.

XXXIII

Гладкая — реклама косметического ремесла.

РАЗНЫМ ЛИЦАМ

XXXV

Кекилий — поэт, друг Катулла, с которым разделял увлечение культом Великой Матери богов (Рея, Кибела, Богиня Диндима, Сирийская богиня и др.) Поэма Кекилия "Диндимена" была ей посвящена. Катулл, со своей стороны, написал поэму "Аттис", герой которой оскотил себя и сделался жрецом этого божества. Такие жрецы превращались как бы в женщин, отсюда намеки на "сапфический" характер приятельницы Кекилия, ее восторг при виде свитка и прочее.

XXIV

Ювентию посвящено несколько стихотворений, но из других источников о нем ничего не известно. Имя означает "юный", возможно, это прозвище Фуррия, у которого тоже не было "ни кола, ни двора" (дословно: "ни раба, ни ларя"), приятеля Катулла.

LXXXI

Блистательное братство — "новые поэты": Кальв, Кекилий, Цинна, Корнифиций и сам Катулл.

XLIX

Ответ на публичный выпад оратора против молодежи, которая "болтается по форуму, обменивается гнусными стишками, и Катулл там самый скверный".

LXXXIV

Особенности произношения Аррия выдают в нем выходца из Сирии или Иудеи, из тех мест, где говорили по-арамейски. "Ионийские волны" — поэтическое клише, наверное, Аррий пробовал писать стихи. Быть может он — тот самый юноша, о котором Цицерон в 58 г. писал: "... Гай Аррий — мой сосед, а теперь уже и домочадец. Не хочет ехать в Рим, но, оставаясь здесь, целыми днями намерен со мной философствовать. А с другой стороны — Себос, этот дружок Катулла. Куда деваться? Вот была бы удача, если бы кто-нибудь теперь же, пока они здесь, купил мою формийскую усадьбу..." и "... Только я написал эти строки, а Себос — тут как тут. И охнуть не успел — здравствуйте! — Аррий пришел". (Из писем 41 и 42). Себос — по-видимому кличка, созвучная слову "сало".

Буква *z* в переводе произносится как южно-русское Г, то есть звенящее Х.

